

м а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

ЗАКОН НЕГОДЯЕВ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.
А13 Закон негодяев / Чингиз Абдуллаев. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Абдуллаев.
Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-04-105024-5

В гостинице «Украина» застрелен могущественный уголовный авторитет Мосешвили. Ходят слухи, что его заказал не кто иной, как депутат Государственной думы и теневой делец Лазарев. Что это — новый передел сфер влияния в преступном мире? По крайней мере, многие так и думают. На улицы Москвы вот-вот грозит выплеснуться война между кавказскими и славянскими криминальными группировками. Знаменитый эксперт по вопросам преступности Дронго — единственный, кто знает, как укротить зверя, готового вырваться из клетки. Но для того чтобы проникнуть в самое сердце криминального клубка, ему надо начать жить согласно иному закону — закону негодяев...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105024-5

© Абдуллаев Ч.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

В этой книге сделана попытка показать и рассказать о деятельности мощных национальных мафий, охвативших своим влиянием всю бывшую огромную страну и демонстрирующих ныне новые, транснациональные устремления. Хотел бы обратить внимание читателей на одно очень важное обстоятельство. Нельзя путать слова «национальная мафия» и народ, отбросами которого являются эти бандиты. Плохих народов не бывает, эта азбучная истина еще не усвоена очень многими. Бандит остается бандитом, независимо от своей национальности. При необходимости они умеют договариваться, они умеют действовать сообща. Помните об этом все читающие эту книгу, и оставайтесь людьми, уважая человека за его трудолюбие, ум, порядочность; народ — за его историю, культуру, традиции; а себя — за умение уважать других, не опускаясь до уровня примитивного национализма. В конце концов, это так сложно — быть Человеком.

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

Чтобы разбудить совесть негодяя,
нужно иногда дать ему пощечину.

Аристотель

Глава 1

В горах иногда кажется, что время может останавливаться. За прошедшие тысячи лет не произошло видимых изменений. На склонах холмов по-прежнему ходят стада баранов и коз, пытаясь найти среди этих громадных валунов сочную зеленую траву. По-прежнему так же неистово светит солнце, слов-

но собирающееся спалить эти горы и его обитателей в дневные часы. И так же неприятно завывает ветер в ночи, словно предупреждая людей о возможном появлении волков. И все такие же черноусые пастухи в огромных бараньих тулупах в сопровождении громадных собак охраняют свои стада, зачастую обходясь лишь собственными руками и неизменным большим ножом, висящим по традиции на левом бедре. У некоторых пастухов встречаются старые винтовки, чудом сохранившиеся то ли с начала этого века, то ли с конца прошлого. И это, пожалуй, единственное достижение цивилизации, все-таки добравшееся до этих гор. Пастухи, или чабаны, как их называют в этих горах, по-прежнему обходятся своими запасами, той неприхотливой пищей, которую им посылает бог в этих горах. И они вполне счастливы и довольны своей размеренной жизнью, своим так по-мудрому устроенным бытом.

В этот день старый Курбан поднялся чуть позже обычного. Солнце, уже полностью появившееся из-за гор, освещало всю небольшую горную долину, где они нашли вчера долгожданный корм для своих баранов. В стаде, доверенном Курбану его односельчанами, насчитывалось более тысячи голов баранов и почти две сотни ягнят. Хвала Аллаху, им удалось обойти враждующие стороны внизу и увести свое стадо от начинавшегося обстрела. Курбан знал, как сильно могут повлиять на самочувствие его подопечных эти артобстрелы, так нервирующие баранов. Когда три года назад они попали под обстрел и потеряли всего пять баранов, ему казалось, что худшее позади. Но лишь осенью он понял, как ошибался. Вместо ожидаемого приплода в триста ягнят они не получили даже половины. Курбан съел за свою долгую жизнь несколько тысяч баранов, примерно половину из них он зарезал собственными руками. И никогда не думал, что у этих спокойных, доверчивых животных могут быть нервы. Где они

располагались, он не знал — может, в сердце, а может, в голове. Хотя из внутренностей баранов они готовили отличное блюдо, называемое джиз-биз, а голову барана умудрялись отваривать вместе с языком и глазами, подавая как деликатес. И нигде не было никаких нервов. Так казалось ему до того арт-обстрела. После него он думал уже иначе, понимая, что эти проклятые нервы все-таки где-то существуют. И хотя верить в душу барана было кощунством и богохульством, он иногда ловил себя на мысли, что разговаривает со своими подопечными, как с маленькими детьми.

По городским понятиям он был очень старый человек, ему шел уже восьмой десяток. По понятиям гор это был зрелый возраст мужчины. Его сосед Пири только женился в семьдесят два, а через девять месяцев у его сорокалетней жены уже пищал на руках младенец, сын Пири. В горах все относительно.

Стариками здесь называли людей, перешагнувших столетний рубеж. А в семьдесят лет здесь еще можно было стать отцом и сохранить почти все зубы во рту. Может, помогала горная вода, так обжигающая зубы, когда он полоскал рот по утрам. Здесь никогда не слышали про зубные щетки и новые пасты, сохраняющие зубы от всевозможных болезней. Однако многие жители окрестных сел могли похвастаться крепкими зубами почти до самой смерти.

Курбану обычно помогал его внук, три года подряд выходявший с дедом в горы. Но в этот год внука пришлось отослать в дальнее горное селение. Из райцентра стали приезжать люди, требовавшие, чтобы внук Курбана явился в военкомат. А это очень не понравилось старику. Защищать родину было святым делом каждого мужчины в семье Курбана. Его брата убили в Белоруссии, сам он участвовал в войне против Японии и даже сумел побывать в Порт-Артуре. Но его внук уже был в армии, уже отслужил

положенные два года еще тогда, когда была единая армия и большая страна. Теперь внука хотели забрать в местную армию уже небольшой страны. Если вспомнить, что сын местного военкома, которому шел двадцать пятый, до сих пор не был в армии, если вспомнить, что дети местного главы районной администрации давно уехали из республики и, по слухам, жили где-то в Турции, если вспомнить, что сын прокурора открыл магазин и разъезжал по району на немного побитой, но все-таки иностранной машине, старый Курбан был по-своему прав. Он не хотел посылать внука вместо этих бездельников второй раз в армию. И на семейном совете было принято решение отправить парня в Казахстан к родственникам. Теперь Курбану помогал совсем молодой соседский сын Али, которому шел лишь пятнадцатый год. Но в горах время — понятие субъективное, и по горским законам он был уже мужчиной, способным помогать Курбану в его трудном деле.

Али уже кричал на отставших баранов, пытаясь собрать их в более упорядоченную массу. Курбан прошел к роднику, умылся, прополоскал рот, привычно поблагодарил Аллаха за хороший день и, надевая на ходу свою огромную бурку из овечьей шерсти, поспешил на помощь Али. Нужно было собрать все стадо в одно место под охрану трех огромных собак, так точно понимавших Курбана и словно составлявших с ним единое целое. Только затем можно было садиться завтракать.

Они уже заканчивали завтрак, по традиции почти не разговаривая друг с другом, когда зоркий глаз Али заметил на ближнем склоне соседней горы цепочку людей с рюкзаками.

— Кажется, чужие, — тревожно сказал он, всматриваясь в даль. Курбан не испугался. Пугливых чабанов в их селении просто не было. Но он встревожился. Внизу шла война, и это вполне могли оказать-

ся солдаты другой стороны. И тогда на пощаду рассчитывать не приходилось.

— Уходи в сторону камней, — показал он Али, — если со мной что-нибудь случится, приведешь стадо обратно в селение сам.

Парень кивнул головой. Все было обговорено заранее, и здесь не было места ни ложной патетике, ни героическим порывам. Стадо для их селения было важнее жизни самих чабанов.

Если это свои, Али вернется обратно, если чужие — значит, их жертвой падет старый Курбан. Чужаки, конечно, покуражатся, забьют несколько баранов, несколько пристрелят для собственного удовольствия. Но все стадо не тронут. Зачем им возиться с тысячей баранов, куда они их перегонят? Тогда Али, дождавшись темноты, должен постараться собрать уцелевшее стадо и идти вместе с ним обратно, в свое селение.

Кивнув на прощание старику, Али заторопился к большим камням, сложенным на краю долины. Он шел, немного пригибаясь, используя тень горы, чтобы его не было заметно со стороны направляющихся к ним незнакомцев.

Курбан аккуратно сложил свои вещи в небольшой узелок, связал его, положил сверху старое ружье. В горах люди быстро становились фаталистами, спокойно ожидая неизбежного. Незнакомцы подходили ближе. Он уже различал детали их одежды, большие рюкзаки, автоматы, висевшие за плечами. Чужаков было пять человек, и старое ружье Курбана и даже его три собаки ничего не могли сделать с пятью автоматами. Курбан знал это и поэтому спокойно сидел на одном из валунов, ожидая, когда незнакомцы подойдут поближе. Те уже успели заметить и стадо баранов, медленно отступающих в тень горы, и старого чабана, спокойно поджидающего их на камне.

Расстояние сокращалось, и вот наконец незнакомцы уже в ста шагах от чабана. Курбан тихонько перевел дыхание — кажется, на этот раз пронесло. Он слышал знакомую речь, видел лица подходивших. Но ему сразу не понравились двое шедших позади людей. Они были чужие, и он это сразу почувствовал. Может, поэтому он не стал звать обратно Али, терпеливо выжидая, чем окончится неожиданная встреча с незнакомцами.

Незнакомцы подошли уже совсем близко. Собаки встретили их настороженно, но пока спокойно. Животные следили за жестами и словами своего хозяина. Они знали, что в горах чужими бывают волки и очень редко люди. Но признавать последних чужаками или нет — зависело от хозяина. А он молчал. Огромный, почти черный Шайтан подошел к хозяину и лег у его ног, внимательно всматриваясь в подходивших людей, словно всем своим видом успокаивая чабана: не бойся, я с тобой. Идущий впереди незнакомец лет сорока, в большой фуражке, надвинутой почти на самые уши, остановился, тяжело переводя дыхание.

— День добрый, старик, — по-русски сказал он.

— Добрый день. — Курбан неплохо знал русский еще по армии и не забыл его в этих горах.

Шедшие следом двое людей, явно азербайджанцы, подошли поближе. Один был маленький, юркий, с бегающими глазами, постоянно улыбавшийся. Другой был среднего роста, коренастый, с густыми черными усами.

— Аллейкума салам, — поздоровался черноусый.

— Ваалейкума салам, — ответил Курбан, — садитесь, гостями будете.

— Спасибо, отец. — Они, видимо, шли издалека. — Далеко отсюда до границы?

— Нет, один день пути, — спокойно ответил Курбан. В горах нельзя задавать лишних вопросов, он

это хорошо знал и поэтому не спросил, зачем незнакомцам граница. Но как ему не нравились двое последних! Они, правда, молчали, отводя глаза, но он явно ощущал их смятение. «Почему они так волнуются? — удивился про себя Курбан. — Один из них кажется мне знакомым. Где я мог его видеть?»

— Скажите, — теперь снова обращался старший, говоривший на русском, — впереди есть какие-нибудь посты?

Он снял свою фуражку, под которой была огромная лысина, и, достав носовой платок, начал вытирать голову.

— Не знаю, дорогой, — пожал плечами Курбан, — война идет. Может, есть, а может, и нету.

Ох, как ему не нравились двое последних незнакомцев, даже не смотревших в его сторону!

— Ладно, — махнул рукой черноусый, — будь здоров, чабан, до свидания. Нам еще долго идти. А ты что, один пасешь свое стадо, не страшно?

— Я не один, — спокойно возразил Курбан, заметив, как насторожились сразу все пятеро, — у меня трое друзей. Шайтан и его братья.

Он ласково потрепал огромного волкодава за уши.

— Да, конечно, — засмеялся черноусый, — это настоящие помощники. Пойдем, — кивнул он своим спутникам.

И вдруг один из все время молчавших незнакомцев как-то резко поправил автомат и повернулся в сторону Курбана. И он сразу узнал этот характерный нос, эти губы, эти глаза. Перед ним стоял Армен, сын Вазгена, в доме которого он много раз бывал до этой проклятой войны.

— Армен, — непослушными губами произнес Курбан.

Парень замер, не решаясь повернуться в сторону чабана. Рядом кто-то передернул затвор автомата.

— Черт бы тебя побрал, старик, — с явной угрозой произнес черноусый, — напрасно ты узнал его.

Курбан обернулся. Он ничего не понимал. Внизу, в долине, шла ожесточенная война вот уже пятый год. И недавние братья-соседи — армяне и азербайджанцы — убивали друг друга, стараясь превзойти врага жестокостью и коварством. А здесь, высоко в горах, он вдруг встречает отряд, где двое азербайджанцев и двое армян куда-то дружно идут. Может, наконец наступил долгожданный мир? Это была его последняя мысль. Автоматная очередь прошла его тело, и он успел еще увидеть метнувшегося к нему парня.

— Все-таки не напрасно, — тихо произнес Курбан, — старый хлеб не забывается.

Он умер до того, как парень успел подхватить его. Шайтан с яростью бросился на чужака. Черноусый взревел, схватившись за руку

— Стреляйте, — в отчаянии закричал он, — скорее! Это животное оторвет мне руку.

Напарник Армена, достав пистолет, быстро подошел к ним и почти в упор расстрелял Шайтана. Только после пятого выстрела собака отпустила наконец руку обидчика и, сумев проползти несколько метров, умерла у ног своего убитого хозяина.

— Проклятые идиоты, — закричал лысый, — зачем вы стреляли? Неужели нельзя было обойтись без этого?

— Он узнал одного из наших людей, — оправдывался черноусый.

— Да, — кивнул Армен, — он меня узнал. Был знакомым моего отца.

Они стояли над чабаном, почти касаясь плечами друг друга. В этот момент со стороны стада послышалось рычание двух оставшихся собак. Всем пятерым пришлось отстреливаться, чтобы не подпустить животных к себе.

И лишь покончив с собаками, все снова посмотрели на убитого. Он лежал на земле, словно удивленный интернациональным единством стоявших над ним бандитов — русского, азербайджанцев, армян. Все пятеро уже давно потеряли совесть и переступили грань, отделявшую нормального человека от бандита. Но стоя теперь над трупом старого чабана, Армен все-таки испытывал какое-то неудобство, словно смерть этого старика как-то могла отразиться и на его собственной судьбе.

— Что делать с его телом? — спросил азербайджанец маленького роста.

— Бросим здесь, — махнув рукой, ответил старший группы.

— А потом азеры скажут, что армяне убили их чабана, — возразил армянин, стрелявший в Шайтана.

— Можно подумать, армяне не стреляют в азербайджанцев, — зло прошипел Омар.

— Но этого старика застрелил ты, — разозлился Армен, — не нужно на нас сваливать. Вартан, там, кажется, за камнями кто-то прячется.

— Быстро туда, — приказал старший по группе.

Вартан, на ходу снова доставая пистолет, бросился к камням. Раздалось два выстрела.

Вартан вышел из-за камней.

— Мальчишка был, — крикнул он, улыбаясь, — теперь счет сравнялся. Одного убил я, одного Омар. Пусть говорят, что стреляли армяне.

— Сука ты, — закричал Омар, — нашего парня убил!

— Еще одно слово, и стрелять начну я, — зло произнес старший, — уходим быстрее. Выстрелы в горах далеко слышны.

Они снова построились в цепочку, и вскоре их небольшой отряд уже скрылся за горизонтом.

Из-за камней послышался стон. Тяжело раненый Али, слышавший весь разговор, был жив. Не-

понятно каким образом, несмотря на большую потерю крови, ему удалось продержаться почти сутки, когда к вечеру следующего дня их нашли чабаны соседнего селения. Али по-прежнему был жив, и его срочно отправили в госпиталь, расположенный в райцентре. Хотя шансов у мальчишки почти не было. Так говорили старики.

Глава 2

В этот день неприятности начались с самого утра. Сначала позвонили из журнала и попросили закончить статью, переданную всего два дня назад. В издательство поступило какое-то количество бумаги, и главному редактору удалось добиться первоочередного выхода своего журнала... который и без того опаздывал почти на целый год.

Потом на стоянке выяснилось, что сел аккумулятора в его автомобиле. Это была довольно большая неприятность. Аккумуляторы в этом году были в большом дефиците, а поступившие в город продавались лишь за доллары. И наконец, уже подходя к своему дому, он обнаружил ведущееся наблюдение.

Пришлось сделать контрольный круг и выйти на своего преследователя, столкнувшись с ним почти лицом к лицу, когда он выбегал из-за поворота.

— Ну, молодой человек, — улыбнулся Дронго, — зачем вы меня преследуете?

— Вы Дронго? — спросил парень лет тридцати. Он как-то мягко выговаривал букву «р».

— Допустим, что из этого следует?

— Я помощник регионального инспектора, — представился молодой человек.

— Да? — Он уже не удивлялся. — Я думал, вас давно распустили за профнепригодностью.

— Почему, — изумился молодой человек, — нас должны были распустить?

— А что полезного вы смогли сделать в Европе? Допустили войну в Югославии? Или у вас были большие успехи в Африке? Хотя при чем тут лично вы — это, наверное, мой возраст, простите. — Он повернулся, вошел в подъезд своего дома. — Вы идете за мной? — спросил Дронго, не поворачивая головы.

— Конечно, — поспешил молодой человек.

— У вас странный акцент, — задумчиво произнес Дронго, поднимаясь по лестнице, — вы словак или чех?

— Венгр, — быстро ответил молодой человек, — папа у меня венгр, а мама украинка. Поэтому я так хорошо знаю русский язык.

— Как вас зовут? — Они уже поднялись на следующий этаж.

— Дьюла.

— Популярное венгерское имя. Настоящее или по документам?

Парень немного замешкался.

— Настоящее, — раздалось с верхнего этажа.

На верхней площадке стоял темноволосый, плотный, невысокого роста мужчина с трубкой в руках. На подбородке у него был замечен глубокий шрам, очевидно, полученный еще в молодости. Ему было лет сорок—сорок пять.

Дронго пригляделся внимательно. Сомнений не было.

— Мистер Лаутон, — сказал он с удовлетворением, — это вы, мистер Джеральд Лаутон?

Мужчина кивнул головой, не спеша убрал трубку и поднял свои руки. Дронго бросился наверх. Через минуту они уже больно давили друг друга в объятиях.

— Знал ведь, что сразу узнаешь меня, — возбужденно говорил Лаутон.

— Конечно, твой шрам невозможно забыть. Первое, что я увидел, когда начал приходить в сознание, — это круглую физиономию Дюнуа и твой чудо-